

Е. Н. Данилова

САМОЦВЕТНЫЙ ПРОМЫСЕЛ НА УРАЛЕ:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-124-131

УДК 39(470.5):316.354 ББК 63.5(235.55)

В статье представлены первые результаты осуществления коллективного проекта, посвященного описанию феномена старательского промысла на Урале в настоящее время. В исследовании используется комплекс полевых качественных методов, его теоретико-концептуальный контекст — антропология драгоценных минералов. В фокусе работы — сообщество Среднего Урала, так или иначе связанное с камнем, в первую очередь те, для кого добыча самоцветов является промыслом, страстью, стилем жизни. Таких людей на Урале называют горщиками, хитниками, копачами, старателями. Рассматриваются сюжеты личных мотивов охотников за самоцветами; формирование ценности самого минерала в процессе взаимодействия его с человеком. За три с половиной столетия уральские самоцветы стали одной из культуuroобразующих черт региона, а вокруг самоцветного промысла сконструировался особый тип культуры камня со своими закономерностями и логикой развития. Благодаря распределению деятельностного пространства и «каменной» специализации самобытность этой культуры сохраняется до настоящего времени. Основная проблема, с которой сталкиваются любители камня и которая стоит на пути возрождения исторического промысла заключается в неурегулированном законодательстве «каменной» отрасли и отсутствии легализации индивидуального промысла.

Ключевые слова: *хитники, старатели, самоцветный промысел, уральские самоцветы, культура камня, антропология драгоценных минералов*

Вдоль восточного склона Уральских гор, в верховьях рек Нейва, Адуи и Реж узкой полосой протянулась территория, объединившая сотни месторождений самоцветных камней: аметистов, изумрудов, топазов, александритов, аквамаринов и других. И хотя отношения между человеком и минералами на этой территории складывались еще с древности, именно с момента официального открытия уральских богатств в 1668 г. и последующего активного освоения самоцветного ресурса начинается преобразовываться и культура местного населения.

Постепенно на Среднем Урале конструируется особый тип культуры камня. Это сложная динамичная система представлений, сформировавшаяся в деятельностном пространстве разнообразной «каменной» специализации — поиске, добыче, обработке, коллекционировании, коммерции, музейном деле. В течение трех с половиной столетий эта совокупность

человеческой деятельности в большей или меньшей степени отражалась на всех сферах жизни населения и находила различные формы самовыражения как в повседневности, так и в искусстве, литературе. Накопленные навыки и умения передавались из поколения в поколение, а вокруг старательского промысла сформировались свой фольклор, мифология, топонимическая система.

В XXI в. сюжеты, посвященные сообществам, добывающим и продающим минералы, все чаще появляются в поле антропологии: изучаются мадагаскарские, мексиканские, американские и ангольские сообщества, занимающиеся драгоценностями. Теоретический контекст исследования — «антропология драгоценных минералов», центральный концепт которой описан в одноименной монографии.¹ Основная идея состоит в том, что минералы — это не просто музейные экспонаты, это «фундаментальные черты человеческой жизни» и между человеческим и минеральным мирами возникают особые, взаимные отношения.² Примерами работ в рамках представленной концепции являются исследования добычи мадагаскарских сапфиров и торговле ими,³ рынка драгоценных

Данилова Елена Николаевна — к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: danilova@northarch.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Фонда поддержки социальных исследований Хамовники, проект № 2023-001 «Уральские самоцветы: этнография старательского промысла» (рук. Е. Н. Данилова)

¹ См: The Anthropology of Precious Minerals. Toronto, 2020.

² Ibid. P. 3–5.

³ См: Walsh A. In the Wake of Things: Speculating in and about Sapphires in Northern Madagascar // American Anthropologist.

минералов в Мексике и на юго-западе США,⁴ добычи алмазов в Анголе⁵ и многие другие.

Актуальность уральской «каменной» тематики очевидна как в научном поле, так и в среде общественности. Обзор современных газет и новостных порталов показывает, что уральские самоцветы часто попадают в заголовки различных рубрик, посвященных истории края, брендированию территории, сохранению культурного наследия, развитию туристического потенциала области, и даже в криминальные хроники.⁶ Интерес к теме цветных камней наблюдается и среди исследователей различных специальностей. Наиболее близкими к заявленной теме являются работы коллектива по изучению лексики и топонимии камня. Например, в исследовании Е. Э. Ивановой представлена топонимическая система самоцветных карьеров, копей, жил. На основе бесед с информантами, современных и исторических карт, анализа геологических и краеведческих исследований, специализированных форумов, автором изучены около 300 топонимов, выделены «основные модели номинации фединимов» (копей и карьеров) и сформированы четыре номинативных типа.⁷ Отражение каменной отрасли

в названии улиц Екатеринбурга проанализировано в публикации Ю. А. Кривошаповой, С. О. Горяева. Всего зафиксировано 90 топонимов, мотивированных «минералогической лексикой напрямую (ул. Аметистовая, ул. Родонитовая) или же опосредованно связанных с “каменной” номинативной темой (ул. Каме- нотёсов, ул. Бажова)».⁸ Ю. А. Кривошапова рассматривает поделочные камни как лингвокультурный бренд Уральского региона. Автор отмечает, что «особенно выделяются геммо- нимы с компонентом уральский», что с одной стороны, транслирует макробренд, с другой — ориентирует на внешнего потребителя, для которого уральский камень — русский бренд и гарант качества.⁹ На основе широкого комплекса источников проведено исследование развития камнесамоцветной отрасли А. В. Дмитриевым. В пяти главах монографии автор последовательно конструирует историю «самоцветного дела на Урале с начала XVIII столетия до наших дней». В работе охвачена деятельность горщиков, геологов, разработчиков месторождений, камнерезов, ювелиров, коллекционеров. Важное значение для нашего исследования представляет раздел по современной истории каменной отрасли 1990-х — начала 2000-х гг.¹⁰

В статье представлены первые результаты осуществления коллективного проекта, посвященного описанию феномена старательского промысла на Урале в настоящее время. Исследование основано на полевых материалах автора, полученных с помощью классических этнографических методов (интервьюирование в паре с включенным наблюдением) среди «любителей камня» на Среднем Урале как в населенных пунктах, так и на местах промысла. Собрано более 60 интервью хитников, работников минералогических музеев, геологов, коллекционеров, продавцов, ювелиров, камнерезов, экскурсоводов, любителей камня.

Центральное место в культуре камня занимают люди, испытывающие особую страсть к минералам, нередко при описании своего отношения к ним употребляющие выражения «заболел камнем», «подсел на каменную иглу», «привороженный камнем», «шлепнутый

2004. Vol. 106, № 2. P. 225–237; Idem. The Commoditization of Fetishes: Telling the Difference Between Natural and Synthetic Sapphires // *American Ethnologist*. 2010. Vol. 37, № 1. P. 98–114; Idem. Made in Madagascar: Sapphires, Ecotourism, and the Global Bazaar. Toronto, 2012.

⁴ См: Ferry E. E. Geologies of power: Value transformations of mineral specimens from Guanajuato, Mexico // *American Ethnologist*. 2005. Vol. 32, № 3. P. 420–436; Idem. Waste and Potency: Making Men with Minerals in Guanajuato and Tucson // *Comparative Studies in Society and History*. 2011. Vol. 53, iss. 4. P. 914–944; Idem. Minerals, Collecting, and Value across the US-Mexico border. Bloomington; Indianapolis, 2013.

⁵ См: Calvão F. The Transporter, the Agitator, and the Kaman-guista: Qualia and the in/Visible Materiality of Diamonds // *Anthropological Theory*. 2013. Vol. 13, iss. 1–2. P. 119–136; Idem. Diamonds, Machines and Colours: Moving Materials in Ritual Exchange // *Social Life of Materials. Studies in Materials and Society*. London; New Delhi; New York; Sydney, 2015. P. 193–208.

⁶ См., напр.: Самоцветная Атлантида: как возродить на Среднем Урале культуру камня? // Аргументы и факты. 2015. 09 янв. URL: <https://ural.aif.ru/society/situation/1419604> (дата обращения: 04.07.2023); Город самоцветов: как в Свердловске появились и исчезли «Рубин», «Бриллиант» и «Серебряное копытище» // Сетево издание «Е1.РУ Екатеринбург Онлайн». 2018. 9 июля. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2018/07/09/65125791/> (дата обращения: 04.07.2023); Екатеринбург превратят в мировую столицу камня // *RG.ru*. 2013. 11 февр. URL: <https://rg.ru/2013/02/11/reg-urfo/izumrud.html> (дата обращения: 04.07.2023); Что нужно для роста добычи уральских самоцветов. Росту добычи уральских самоцветов мешает несовершенное законодательство // *RG.ru*. 2017. 22 марта. URL: <https://rg.ru/2017/03/22/reg-urfo/chto-nuzhno-dlia-rosta-dobycha-uralskih-samocvetov.html> (дата обращения: 04.07.2023); и др.

⁷ См: Иванова Е. Э. Названия копей самоцветной полосы Урала: номинативные типы и модели // *Вопросы ономастики*. 2020. Т. 17, № 2. С. 107–134.

⁸ Кривошапова Ю. А., Горяев С. О. «Каменные» улицы Екатеринбурга // *Вопросы ономастики*. 2022. Т. 19, № 2. С. 197–207.

⁹ См: Кривошапова Ю. А. Имена камней как лингвокультурный символ Урала // *Вопросы ономастики*. 2020. Т. 17, № 3. С. 241–262.

¹⁰ См: Дмитриев А. В. Узорочье «хрустальных погребов». Очерк истории камнесамоцветной промышленности Урала. Екатеринбург, 2008.

камнями». В первую очередь это те, кто добывают самоцветы, речь идет не о промышленных разработках, а о кустарном промысле, которым занимаются без специальной подготовки, со знаниями, полученными от старшего поколения и/или в процессе опыта. Таких людей на Урале называли (и продолжают называть) горщиками, хитниками, копачами, старателями.

Хитник — коренной уральский термин, в словаре русских говоров Среднего Урала — «устар. старатель без лицензии, “хищник”». ¹¹ При этом хитничество, в отличие от хищничества, считалось более «благородным», именно поэтому для этого промысла появилось самостоятельное название. Современные охотники за самоцветами из-за негативной окраски термина иногда связывают происхождение этого слова с фольклорной Хитой — «привередливой удачей, старухой-судьбой злодейкой, типа русской Бабы Яги»; или вообще возводят к англ. *Hit* — удар. ¹² Многие называют себя горщиками/старателями/копачами/любителями камня, хотя, по сути, в отношении добычи самоцветов их деятельность одинакова, поскольку с точки зрения законодательства, преследующего частный промысел драгоценных камней, все, кто сегодня им занимается, делают это нелегально. По этой же причине и отследить численность людей, вовлеченных в промысел, невозможно. Единственная количественная оценка частных старателей в Свердловской области была озвучена губернатором Е. В. Куйвашевым в 2014 г. — когда рассматривался вопрос о регламентации промысла — 200 человек. ¹³ Учитывая, что «власть не интересуют люди, собирающие с поверхности какую-то мелочь», ¹⁴ а в массовом народном сознании хитничество преступлением не считается («свое берем, богом данное в пользование всему миру» ¹⁵), самоцветный промысел жив и продолжает развиваться. Хитники чаще воспринимаются не как вредители, а как популя-

ризаторы: «вот он нашел, продают его, что-то делают из него, вот идет поддержание популярности этих камней». ¹⁶

...когда директор карьера жалуется: «вот у нас тут хита лазит, уже аж тропинки натоптали». Я говорю: «да вы асфальтовую дорогу им должны сделать. Потому что благодаря им в наших музеях появляются ваши образцы. Вы знаете, что у вас вот такие образцы кальцита есть?» — «Не знаем!» — «А у нас в музее это есть. Потому что хита и поставила это в музей». ¹⁷

Среди хитников существуют разные специализации: некоторые целенаправленно занимаются только поиском новых месторождений, а кто-то просто ходит по «дедовским» копиям и фиксирует их на карте; кто-то ищет камни в отвалах или старых выработках, а кто-то закладывает свои шурфы. Некоторые обрабатывают свои камни и делают ювелирные украшения, а кто-то собирает коллекцию (см. цв. вклейку, рис. 1, 2). Однако есть и те, кто идут за камнем ради выгоды и наживы, используя в своей работе тяжелую технику и варварские методы по отношению к природе. К ним, как правило, отношение негативное, даже среди своих:

Я хитник, но хитники тоже подразделяются. Есть хитники, которые приехали, загнали технику — варварство. Это просто ради наживы, приехать и что-то взять — кошунство, навредить просто и угробить все. ¹⁸

Труд хитников нелегок физически и требует много знаний. В былые времена горщиков называли «народными академиками», потому что «человек должен был знать слишком много». ¹⁹ И сегодня среди них много образованных людей, которые умеют ориентироваться на местности, подкованы в вопросах геологии, минералогии, горного дела, топографии. В то же время это авантюристы, романтики, одержимые желанием найти интересный камень и сознательно идущие на риск. Многие из них верят в приметы и не начинают закладку шурфа без соблюдения определенных ритуалов: кто-то переворачивает шапку на левую сторону, кто-то одежду.

Есть примета: если с первого ведра выскочит какой-нибудь скол — все, день потерян... И вот даже моешь первое ведро: «Ну только не выскочи!». И, понимаешь, если выскочит, можно смело вставать и уходить: но все равно, ты целый день продолбишься, ...и ничего не поймаешь.

¹¹ Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1987. Т. 6. С. 148.

¹² Записано по данным форума «Хита Урала». URL: <http://форум.хитник.рф> (дата обращения: 01.04.2023).

¹³ См: Пресс-конференция губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева, посвященная итогам 2014 года // Официальный сайт Губернатора Свердловской области. URL: <http://gubernator96.ru/news/show/id/2950> (дата обращения: 16.03.2023).

¹⁴ Александр Маковецкий (один из самых известных современных уральских хитников, основатель сайта «Хита Урала») в интервью Артему Рыжакову. См.: Самоцветная Атлантида...

¹⁵ Мясников В. Привороженные камнем // KellyCo. URL: http://kellyco.ru/articles/Privorojennyye_kamnem.html (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁶ ПМА. пос. Нейво-Шайтанский, 2023.

¹⁷ ПМА. г. Екатеринбург, 2023.

¹⁸ ПМА. г. Реж, 2023.

¹⁹ ПМА. г. Нижний Тагил, 2023.

Есть один, он когда подходит к шурфу, говорит: «Без ковша пришел», — ну и я уж так же в тон ему: «Без ковша пришел». Ну что, так приходили «без ковша» мы три месяца, на одном шурфе простояли, много подняли.²⁰

Если на копях встретишь ящерку, то сто процентов будет хорошая добыча.

Я всегда, когда ухожу, благодарю: «Спасибо за то, что дали».²¹

Если лягуха в яме, значит, жила хорошая.²²

Если ты в яме роешься и в отвале видишь ящерку, все, можешь собираться — ничего не найдешь... [в случае, если трудится мужчина — *Е. Д.*] Когда ты заканчиваешь работу, надо всегда поблагодарить Хозяйку. Нашел ты, не нашел — тебя допустили, все.²³

Часто информанты рассказывают, как самоцветы наполняют их душу гармонией, «рассматривание и ощупывание их придает сил и вдохновения».²⁴ Между минералом и человеком возникают особые отношения, схожие со страстью. Добытчики всегда помнят свою первую находку:

...на лыжах пришли, там эти закопухи [ямы — *Е. Д.*], снег откидали, закопались, мужики показали, как сетками шмурыгать [промывать, просеивать — *Е. Д.*]. Бах — и выскакивает действительно искриночка какая-то, ну осколик [демантоид — *Е. Д.*]. Вот целый день продолбались — два или три осколичка. А я ни бутылек не взял, ничего, в «соплю» из-под сигарет завернул и иду обратно, достаю — не потерял? Азартно. И вот так вот постепенно я не то что втянулся, тут азарт просто возник, интерес... А если еще выскакивает какая-нибудь зеленая таблетка [имеется ввиду демантоид — *Е. Д.*], то все — подсел на каменную иглу, провалился с тапками.²⁵

...трясли породу и выпал у меня первый турмалин 4–5 сантиметром длиной, 2 сантиметра в поперечнике. Я просто влюбился в этот камень, когда его увидел, гордился, что сам его нашел. И где-то это все у меня затаилось.²⁶

Интересной является уникальная особенность уральских людей, имеющих отношение к камню, отличающая их от «предположим, тех же западноевропейских: у них камень “драгоценный”, камень дорогой цены, у нас — самоцвет, камень, который светится сам, это тонкая грань; когда не за деньги, это безгра-

ничная любовь, когда ты понимаешь, что этот камень настолько дорог, что его проще кому-нибудь подарить, у него нет цены».²⁷ Директор Уральского центра камня при Уральском геологическом музее Ф. М. Нурмухаметов считает, что до 1987–1989 гг. на Урале не существовало взаимосвязи «камень — деньги»: камни можно было поменять либо на камни, либо на что-то другое.²⁸ По словам другого коллекционера, эта ситуация изменилась для него, когда появилась возможность посещать зарубежные ярмарки и оказалось, что существует большой интерес к уральским и российским камням за границей.

Что такое камень и сколько он стоит, я понял, когда в первый раз поехал в Мюнхен в 1988 году на крупнейшую в то время ярмарку... я привез с собой всего 280 образцов... Привез, выставился — интерес был настолько сильный к уральским камням и вообще к российским, что мне практически от выставки за эти дни просто нельзя было отойти: интерес такой, что надо рассказывать, показывать... Я понял ценность камня и понял, что красивых образцов в мире очень много, и на Урале много, и в России много.²⁹

Сложившаяся вокруг уральского камня культура интересна и с точки зрения того, как происходит конструирование ценности самого минерала в процессе взаимодействия его с человеком. При этом понятие «драгоценности» рассматривается мной более многогранно и не ограничивается набором качеств, определяемых естественными свойствами минерала, его «красотой, прочностью и редкостью».³⁰ Как справедливо отмечает Э. Ф. Емлин, «драгоценность камня не рождается вместе с ним: она создается путем чудесных превращений уже в течение его “неземной” жизни» и бесконечного путешествия в пространстве времени, культуры, истории, мифологии.³¹

Антропология драгоценных минералов, сложившаяся в зарубежной научной традиции, предлагает рассматривать путь камня как символическую социальную траекторию, по которой он движется через руки горщиков, торговцев, коллекционеров, огранщиков и других специалистов, через выставки и музеи. В разных ситуациях возникают разные виды ценности в зависимости от способа участия человека.

²⁰ ПМА. с. Кладовка, 2023.

²¹ ПМА. г. Реж, 2023.

²² ПМА. г. Екатеринбург, 2023.

²³ ПМА. г. Екатеринбург, 2023.

²⁴ ПМА. с. Мурзинка, 2023.

²⁵ ПМА. с. Кладовка, 2023.

²⁶ ПМА. г. Реж, 2023.

²⁷ ПМА. г. Нижний-Тагил, 2023.

²⁸ ПМА. г. Екатеринбург, 2023.

²⁹ ПМА. г. Екатеринбург, 2023.

³⁰ Путолова Л. С. Самоцветы и цветные камни. М., 1991. С. 5.

³¹ Емлин Э. Ф. Империя уральских самоцветов: от рассвета до заката // Известия Уральского государственного горного университета. 2004. Вып. 19. С. 65.

При этом отношения, которые складываются между человеком и минералами, «глубоко личные и институционализированные», они формируются под воздействием аффективных, социотехнических и политико-экономических процессов.³²

В формировании качества драгоценности огромную роль играют страсть и энергия людей в отношении определенных самоцветов. Часто именно мода определяет положение минерала в инфраструктуре культуры и истории:

Ведь любой камень взять — чем формируется его драгоценность? Это мода, твердость, окрас естественный, но мода — самое большое: сегодня один камень, завтра другой.³³

Одно из свойств, которым чаще всего наделяют информанты свои находки — неповторимость. Любой горщик подтвердит, что каждый самоцвет, добытый из-под земли, уникален:

...вот, когда его достаешь, он уродливый и красивый по-своему. И ты понимаешь: взять, допустим, машины, серия ограниченная — 10 машин. А когда достал камень, он один и больше второго такого не будет!³⁴

Как-то себя поймал на мысли: «Вот ты камень пилишь, его раскрываешь — ты видишь из всех это первый!» И эта мысль где-то во мне живет.³⁵

С этим связан еще один момент: в отличие от синтетических кристаллов, природные образцы повторяются не могут (см. цв. вклейку, рис. 3). Поэтому за добытый из-под земли камень всегда платят больше. Малагасийцы, добывающие сапфиры, противопоставляя натуральные камни синтетическим, говорят о них — «дело божье», имея в виду, что таким камням присущи качества, не зависящие от человека и не доступные для воспроизведения в лаборатории.³⁶ Работая среди любителей камня на Среднем Урале, мне только однажды довелось услышать от оградчика, что искусственные камни предпочтительнее натуральных.³⁷ Чаще всего натуральным камням дают такие характеристики, как «живой», «теплый», порой их даже наделяют душами, рядом различных мистических свойств, некой мощной энергией, способной оказывать влияние на здоровье и духовное развитие человека:

Бог есть любовь, сатана — отец лжи. Есть натуральные камни — красота этого мира до грехопадения, а есть — искусственные, то есть ложные, которые относятся к другим силам.³⁸

А люди, допустим, подошли, увидели украшение или камень, взяли его в руки — у них сразу такая кровь к лицу прилила. Они рассматривают: «О, как хорошо, как интересно». То есть камни имеют какое-то родство с людьми. У них как будто есть душа или какая-то структура...³⁹

Камни — это мое, понимаешь. Как их можно не любить?! И они тебе тем же отвечают. Соответственно, ты эту энергию передаешь через камни.⁴⁰

Одна из основных проблем, с которой приходится сталкиваться тем, кто добывает и коллекционирует камень, или занимается минералогическим туризмом, — нелегализованность индивидуального промысла. По мнению некоторых информантов, организация вольнопринимательства могла бы решить не только вопросы в законодательстве «каменной» отрасли, но и проблему наполняемости музейных коллекций:

... куда ему девать 100 камней? Я всегда говорил: давайте вот так делать: первые два-три камня они [хитники — Е. Д.] себе оставляют в коллекции, четвертые-пятые обязательно несут в музей, а все остальное — на продажу или на обмен.⁴¹

Многие полагают, что одним из инструментов решения проблемы может стать организация статусных территорий, на которых расположены копи. Так, Н. Б. Беленков, отмечая, что в историко-геомологическом аспекте нет равных Уралу по туристическому потенциалу, отметил, что не хватает «разумной системы управления горными ресурсами, грамотного маркетинга, настоящего государственного, а не местечкового подхода к проблеме» и один из инструментов решения этой задачи — введение особого статуса для территорий, на которых расположены копи. Это позволит защитить их от уничтожения и вандализма, допустив при этом возможность ведения на этой территории образовательной, учебной деятельности, даст разрешение любителям и коллекционерам добывать камень законно.⁴²

³⁸ ПМА. г. Нижний-Тагил, 2023.

³⁹ ПМА. с. Мурзинка, 2023.

⁴⁰ ПМА. г. Реж, 2023.

⁴¹ ПМА. г. Екатеринбург, 2023.

⁴² См.: Беленков Н. Б. Минералогический туризм на Урале: возможности и проблемы. Как открыть миру самоцветную шкатулку России?! // Вестник Уральского отделения Российского минералогического общества. 2012. № 9. С. 5–11.

³² См: The Anthropology of Precious Minerals. P. 5.

³³ ПМА. пос. Нейво-Шайтанский, 2023.

³⁴ ПМА. пос. Нейво-Шайтанский, 2023.

³⁵ ПМА. г. Екатеринбург, 2023.

³⁶ См: Walsh A. The Commoditization of Fetishes... P. 109–110.

³⁷ ПМА. д. Корнилова, 2023.

В ходе интервью один из коллекционеров высказал интересное предложение идеальной схемы особо охраняемой территории с распределением всех «проявлений» на три категории. Первая категория — «уникальные», например, такие знаковые объекты, как Мокруша. Для того чтобы цена на камень не упала, на них должна реализовываться квотированная добыча: «в этом году мы добыли три образца, кто хочет у нас три образца купить — все, поэтому цена на них высокая». Вторая категория — «рядовые», на них выдаются лицензии с обязательным условием — прирастить запасы: «на ту прибыль, которую получаешь с месторождения, будь добр заняться геолого-разведкой, чтобы тем, кто идет за нами, что-то осталось». Третья категория — «забалансовые», с небольшими запасами, на них выдаются бесплатные лицензии, «только работай».⁴³ Организация статусных территорий должна проходить комплексно и учитывать не только многообразие минералогических ресурсов и объектов, восстанавливая и защищая их, но возрождать культуру камня в целом, включая связанные с ней традиции, ремесла, промыслы, развивать туризм, местные музеи, привлекать инвестиции. В таком ключе потенциал уральских богатств, который образно называют «горно-рудным проклятьем», станет элементом, определяющим самобытность региона, и частью национального достояния.

Другая проблема, обозначенная информантами, связана с организационным упадком и нарушением преемственности.

Когда я был школьником, у нас на территории города Свердловска было больше 100 геологических кружков... А сейчас их осталось три.⁴⁴

Это же уже умирает потихоньку... мало кто сейчас камень копает, добывает. Еще лет 15–20 пройдет, и вообще никто ходить копать не будет... Мы на самом дне уже, можно, сказать этого упадка. У нас и смены-то нет. Но вот мы посмотрим, кто нас заменит. Раньше же их много было. И коллекционеров, и всех... До революции минералогическая коллекция была в каждом доме, все этим увлекались поголовно. Но эти корни обрезали, остались только единицы, и их все меньше, меньше, они уходят.⁴⁵

С одной стороны, мы наблюдаем актуализацию интереса к каменной теме открываются новые музеи (минералогический музей

«Планета», Центр истории камнерезного дела им. А. К. Денисова-Уральского), проводятся тематические конференции, публичные лекции, открытые экскурсии, увеличивается туристический поток по минералогическим маршрутам. С другой стороны, происходит усложнение организации детских секций с возможностью выезда в походы, вводится запрет деятельности на территории природных заказников, падает качество образования в профильных училищах, возникают опасения со стороны профессионального сообщества за будущее каменной индустрии. Собранные лекции после смерти владельцев продаются, иногда за бесценок, но есть и те, кто обязательно их купит, осознавая ценность камня как культурного наследия и природного богатства.

С момента первого официального свидетельства добытых на Среднем Урале кристаллов прошло 355 лет. За это время здесь были найдены практически все виды ценных минералов, занявшие место в лучших коллекциях драгоценностей, включая королевские, а вокруг каменного промысла сформировался особый тип культуры со своими закономерностями и логикой развития. «Каменная» индустрия создала на Урале целый ряд своих специалистов: горщиков (старателей/хитников/копачей), гранильщиков, мелких предпринимателей, перекупщиков, коллекционеров и др. И именно благодаря распределению деятельностного пространства и «каменной» специализации до сих пор сохраняется самобытность этой культуры.

Самоцветный ресурс всегда привлекал внимание людей и был одной из культурообразующих черт уральской идентичности. В газете «Екатеринбургская неделя» за 1879 г. писали, что жители города «занимаются преимущественно обширным производством и изделием каменных вещей и сплетней, в более или менее грязной отделке, от которых не уберется ни одна живая душа».⁴⁶ Описывая столицу Урала начала XX в., академик А. Е. Ферсман также называл Екатеринбург «городом камня», который «жил интересами камня: сборы, коллекционирование, продажа, покупка, подмены и фальсификация». И сегодня, трансформировавшись в соответствии с требованиями времени, промысел живет. Каменная индустрия не является ведущей для

⁴³ ПМА. г. Нижний Тагил, 2023.

⁴⁴ ПМА. г. Екатеринбург, 2023.

⁴⁵ ПМА. г. Нижний Тагил, 2023.

⁴⁶ Екатеринбургская неделя. 1879. № 01. С. 7.

Екатеринбурга, но по-прежнему это наследие сохраняется в ландшафте города: в названии улиц (пер. Малахитовый, ул. Аквамариновая) и заведений (бар «Самоцвет»), в цветовой гамме уральских самоцветов на онлайн-карте возраста домов Екатеринбурга,⁴⁷ в городских квестах («В поисках малахитовой шкатулки, или Где скрывается хозяйка Медной горы»⁴⁸) и названиях жилых комплексов (ЖК «Самоцветы», ЖК «Малахит»). В беседах почти каждый может вспомнить родственника, у которого была или есть своя коллекция камня. И для кого-то

это просто камни, но остается и много тех, кто «заболел камнем», продолжает отправляться попытать счастья и проверить свою удачу в окрестных лесах, посещает выставки и фестивали камня, организует клубы общения, коллекционирует минералы. Основная проблема, с которой сталкиваются любители камня и которая стоит на пути возрождения исторического промысла, заключается в неурегулированном законодательстве «каменной» отрасли и отсутствии легализации индивидуального промысла.

Elena N. Danilova

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: danilova@northarch.ru

ARTISANAL GEM MINING IN THE URALS: AN ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

The article presents the first results of a collective project aims at describing the phenomenon of artisanal gem mining in the Urals at the present time. The research is based on the use of a complex of field qualitative methods, the theoretical and conceptual context is the anthropology of precious minerals. The focus of the work is the Middle Urals community in one way or another “connected with stone”; first of all, those people for whom gem mining is a trade, a passion, a way of life. In the Urals, such people are called artisanal miners, hitniki, diggers, prospectors. The plots of the personal motives of gem hunters are considered; formation of the value of the mineral itself in the process of its interaction with humans. Over three and a half centuries the Ural gems have become one of the culture-forming features of the region and a special type of stone culture with its own patterns and logic of development has been constructed around the artisanal gem mining. Thanks to the distribution of activity space and “stone” specialization, the originality of this culture has been preserved to this day. The main problem that stone lovers face and which stands in the way of the revival of the historical craft is the unsettled legislation of the “stone” industry and the lack of legalization of individual craft.

Keywords: *hitniki, prospectors, artisanal gem mining, Ural gems, stone culture, anthropology of precious minerals*

REFERENCES

- Belenkov N. B. [Mineralogical Tourism in the Urals: Opportunities and Problems. How to Open Russia's Gem Box to the World?!]. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva* [Bulletin of the Ural Branch of the Russian Mineralogical Society], 2012, no. 9, pp. 5–11. (in Russ.).
- Calvão F. Diamonds, Machines and Colours: Moving Materials in Ritual Exchange. *Social Life of Materials. Studies in Materials and Society*. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury Academic, 2015, pp. 193–208. (in English).
- Calvão F. The Transporter, the Agitator, and the Kamanguista: Qualia and the In/Visible Materiality of Diamonds. *Anthropological Theory*, 2013, vol. 13, iss. 1–2, pp. 119–136. DOI: 10.1177/1463499613483404 (in English).
- Dmitriev A. V. *Uzoroch'ye “khrustal'nykh pogrebov”*. *Ocherk istorii kamnesamotsvetnoy promyshlennosti Urala* [The “Crystal Cellars” Patterns. Essay on the History of the Gemstone Industry of the Urals]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2008. (in Russ.).
- Emlin E. F. [Empire of the Ural Gems: From Dawn to Dusk]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta* [News of the Ural State Mining University], 2004, iss. 19, pp. 56–67. (in Russ.).

⁴⁷ Идея // Конттики. Карты Никиты Славина. URL: <https://kontikimaps.ru/how-old/yekaterinburg/process?p=h-ekb> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴⁸ Мир квестов. URL: <https://ekb.mir-kvestov.ru/quests/ubego-v-poiskah-malahitovoj-shkatulki> (дата обращения: 10.07.2023).

- Ferry E. E. Geologies of Power: Value Transformations of Mineral Specimens from Guanajuato, Mexico. *American Ethnologist*, 2005, vol. 32, no. 3, pp. 420–436. (in English).
- Ferry E. E. *Minerals, Collecting, and Value across the US-Mexico Border*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2013. (in English).
- Ferry E. E. Waste and Potency: Making Men with Minerals in Guanajuato and Tucson. *Comparative Studies in Society and History*, 2011, vol. 53, iss. 4, pp. 914–944. DOI: 10.1017/S0010417511000454 (in English).
- Ivanova E. E. [Names and Naming Patterns of the Gemstone Mines of the Urals]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2020, vol. 17, no. 2, pp. 107–134. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.020 (in Russ.).
- Krivoshchapova Yu. A. [Stone Names: A Linguocultural Symbol of the Urals]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2020, vol. 17, no. 3, pp. 241–262. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.042 (in Russ.).
- Krivoshchapova Yu. A., Goryaev S. O. [“Stone” Streets of Ekaterinburg]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2022, vol. 19, no. 2, pp. 197–207. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.023 (in Russ.).
- Putolova L. S. *Samotsvety i tsvetnyye kamni* [Gems and Colored Stones]. Moscow: Nedra Publ., 1991. (in Russ.).
- Slovar’ russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1987, vol. 6. (in Russ.).
- The Anthropology of Precious Minerals*. Toronto: Toronto University Press, 2020. (in English).
- Walsh A. In the Wake of Things: Speculating in and about Sapphires in Northern Madagascar. *American Anthropologist*, 2004, vol. 106, no. 2, pp. 225–237. (in English).
- Walsh A. *Made in Madagascar: Sapphires, Ecotourism, and the Global Bazaar*. Toronto: University of Toronto Press, 2012. (in English).
- Walsh A. The Commoditization of Fetishes: Telling the Difference between Natural and Synthetic Sapphires. *American Ethnologist*, 2010, vol. 37, no. 1, pp. 98–114. DOI: 10.1111/j.1548-1425.2010.01244.x (in English).

Для цитирования: Данилова Е. Н. Самоцветный промысел на Урале: антропологическое изменение // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 124–131. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-124-131.

For citation: Danilova E. N. Artisanal Gem Mining in the Urals: An Anthropological Dimension // Ural Historical Journal, 2023, no. 4 (81), pp. 124–131. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-124-131.

Рис. 1. Коллекция минералов. С. Мурзинка, Свердловская обл. 2023 г.
Фото Е. Н. Даниловой

Рис. 2. «Бусовое производство» из минералов. Пос. Нейво-Шайтанский, Свердловская обл. 2023 г.
Фото Е. Н. Даниловой

Рис. 3. Андрей Федорович Тараканов. г. Екатеринбург, 2023 г.
Фото Е. Н. Даниловой